

М.А.Краснов, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права НИУ «Высшая школа экономики».

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК ДУХОВНОЙ ОСНОВЫ

1.

Автору печально сознавать себя в некотором одиночестве. С одной стороны, тот идейный лагерь, к которому я себя отношу (условно его можно назвать либерально-демократическим) демонстрирует в лице многих своих представителей либо агностицизм, либо атеизм, либо даже богоборчество, а светское государство понимает как его полное отстранение от религиозных оснований норм морали¹. С другой стороны, Русская Церковь, членом которой я являюсь, в целом негативно относится к идеям, которые принято в широком смысле называть либеральными.

Нельзя сказать, что у меня совсем нет единомышленников. Существуют работы юристов, философов, социологов и историков, написанные с близких мне мировоззренческих позиций². Но, к сожалению, такие взгляды остаются на духовной и интеллектуальной периферии. Гораздо более заметна другая позиция, выражаемая как исследователями, так и многими священнослужителями и иерархами Русской Православной Церкви. Согласно ей, современные правовые ценности, прежде всего, права человека,

¹ Так, электронное издание «Газета. Ru», чья идейная позиция в целом мне близка, опубликовало не так давно редакционную статью, где есть такие строки: «Конечно, главные традиционные религии России – православие и ислам – изначально резко отрицательно относятся к гомосексуализму. Но Россия светское государство и не может опираться в светских законах на религиозные доктрины и нормы». – Традиционная ориентация // Газета.Ru. 29 февраля 2012 г. (http://www.gazeta.ru/comments/2012/02/29_e_4016709.shtml).

² См., например: *Баренбойм П.Д.* Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда. – М., 1997; *Иванова Л.О.* Религия и права человека // Социологические исследования. 1998. № 6; *Николаев С.* Мехи ветхие / Посев. 1999. № 6; *О. Вениамин (Новик).* Православие. Христианство. Демократия: Сборник статей. – СПб: Алетейя, 1999; *Тер-Акопов А.А.* Христианство. Государство. Право. К 2000-летию христианства. – М., 2000; *Папаян Р.А.* Христианские корни современного права. – М., 2002; *Верин В.* Концепция права в контексте построения основ «свободной теократии» Владимира Соловьева / Российская юстиция. 2003. № 8; *Козлов Т.Л.* Христианские корни континентального права / Вестник Российской правовой академии. 2004. № 4; *Ситников А.В.* Православие и демократия. К вопросу о влиянии религиозного фактора на политическое сознание и политическую культуру России / Полития, Зима 2004–2005. № 4.

являются идеей, совершенно чуждой православному христианству. Однако с аргументами, выдвигаемыми в обоснование такой позиции, трудно согласиться.

Противники прав человека не отвергают вообще все права личности, а только говорят, что нет прав естественных, данных человеку Богом. Права, по их мнению, могут быть только предоставлены государством. В таком случае, рассуждая логически (а на самом деле – исторически), государство может в любой момент сузить содержание таких прав, установить неравенство при их использовании, наконец, вообще отменить. А это означает государственный произвол в отношении личности, т.е. фактически бесправие, от которого люди испытывают часто даже более тяжелые *страдания*, чем от материального недостатка.

На это могут ответить: «Наша земля – вообще юдоль страданий. А смирение и терпение – высшие христианские добродетели». Верно. Но означает ли это, что человек не должен стремиться к более справедливым условиям жизни, в т.ч. общественной. На мой взгляд, известный комментатор Евангельских текстов Б.И. Гладков верно говорил, о том, что Иисус Христос «не мог, конечно, смотреть равнодушно на царившее тогда повсюду зло, но Он знал, что люди, возрожденные любовью к Богу и ближним, *сами со временем создадут себе иные условия общественной жизни*³, такие условия, при наличии которых невозможны будут ни рабство, ни деспотизм и никакие иные виды насилия»⁴.

Конечно же, Спаситель и Его апостолы не призывали к изменению общественного строя. Но ведь и не благословляли сущее. Например, Апостол Павел заметил: «*Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся*»⁵. А Сам Христос предупреждал о том, что «*надобно придти соблазнам; но горе тому человеку,*

³ Во всех цитатах курсив сделан автором настоящей статьи. Цитаты из Библии полностью выделены курсивом.

⁴ Гладков Б.И. Толкование Евангелия. – М., 2004 (печ. по изданию: Б.И. Гладков. Толкование Евангелия. 4-е издание. – СПб., 1913). С.589.

⁵ 1 Кор. 7:21.

через которого соблазн приходит»⁶. Если вчитаться, Он говорит о соблазнах не только в духовной жизни, но и во всех сферах. Так разве деспотия, бесправие не вводят человека в грех, порождая отчаяние, уныние, ненависть, распространяя в обществе паттерны неуважения к личности и т.п.?

Конечно, можно обойтись и без признания прав человека. Ведь на протяжении тысячелетий человечество о них ничего не слышало. Но именно поэтому тысячелетиями человек, особенно «маленький», был песчинкой в глазах властей и сильных мира сего. А песчинку либо не замечают, либо, если она станет причинять неудобство, находят и выбрасывают...

Еще раз скажу: терпеть страдание – добродетель. Но если ты можешь что-то сделать, чтобы не страдали другие, то сделай это. Как писал Е.Н. Трубецкой, *«кто хочет цели, тот должен хотеть и средства; поэтому с точки зрения идеала безусловного совершенства следует приветствовать всякое приближение к добру, всякое относительное усовершенствование. Иначе самый идеализм превратится в карикатуру, становится маской для лени, удобным предлогом, чтобы ничего не делать! Если добыть себе полную свободу – не в нашей власти, то следует ли отсюда, что мы должны мириться с рабством? Если мы не в состоянии одним скачком достигнуть царства правды, то может ли это послужить оправданием той безграничной неправды, которая царит в русской земле? Если мы не в состоянии превратить Россию в Царствие Небесное, то неужели на этом основании мы должны прекратить борьбу против надвигающегося ада?»⁷*.

Я бы тут сослался и на такого политического мыслителя, как Карл Поппер, который писал: «Я не знаю, является ли христианство учением о потустороннем, но оно определенно учит, что единственный путь доказать

⁶ Мтф. 18:7 (см. также: Лк. 17:1).

⁷ Трубецкой Е.Н. Гоголь и Россия // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994. С.332.

свою веру – это оказывать *практическую (и мирскую) помощь тем, кто в ней нуждается*⁸.

Тем не менее, не стану ограничиваться сказанным, ибо проблема соотношения идеи прав человека с христианским учением требует более детального исследования. В этих целях я в качестве оппонирующей позиции взял статью Б.А. Куркина⁹, поскольку в ней автор достаточно четко выдвигает свои доводы против идеи прав человека.

В то же время понимаю тщету своего анализа, ибо, хотя возражения против идеи прав человека и облекаются в логическую форму, но, судя по всему, за рациональными аргументами стоит определенная картина мира. Поэтому то, о чем я буду говорить, скорее, обусловлено желанием подкрепить свою собственную картину мира, свое ощущение того, что **именно в христианстве кроется духовный корень идеи прав человека.**

2.

Б.А. Куркин утверждает, что «идеология прав человека в ее господствующей – либеральной – интерпретации не имеет ничего общего с христианским взглядом на человека и общество, на права личности, противореча ему в самых своих метафизических основаниях»¹⁰. На самом деле он отвергает не интерпретацию, а *саму идею* естественных прав личности, выстраивая для этого следующую логическую конструкцию.

В трудах отцов Церкви, пишет он, ссылаясь на работу В.А. и В.В. Роговых¹¹, содержится принципиально иной по смыслу подход к «анализу феномена права», нежели в работах Гоббса, Локка, Руссо, Монтескье, на которые обычно принято ссылаться в обоснование «идеологемы» прав

⁸ *Поппер Карл Раймунд.* Открытое общество и его враги. В 2 т. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С.316.

⁹ См.: *Куркин Б.А.* Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2008. № 2.

¹⁰ Там же. С.117.

¹¹ См.: *Рогов В.А., Рогов В.В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX – середины XVII вв.). – М., 2006.

человека. Роговы же пишут, что еще св. Ириной¹² «ввел в христианскую теорию понятие "естественного права" именно как *систему "должного" для человека, как выходящую за юридические рамки концепцию всеобъемлющей ответственности перед Богом*»¹³. Отсюда Куркин делает вывод, что в естественном законе в его православной интерпретации, т.е. в законе, тождественном закону Божьему, данному в первоначальных заповедях, речь идет «*об обязанностях человека перед Богом, а не о домысленных протестантами правах человека*»¹⁴. Так ли это?

В основной из дошедших до нас работе св. Ириния Лионского есть глава, названная: «*Христос не отменил естественных заповедей Закона, но устранил иго Ветхого Завета, дабы человек свободно и с сыновнею преданностью служил Богу*». Я не случайно выделил некоторые слова: они чрезвычайно важны для понимания того, что говорит этот выдающийся отец Церкви.

Прежде всего, нужно понять, что кроется за словами «естественные заповеди Закона». «**Естественные**», значит, изначально соответствующие природе человека (любого человека), каковая была заложена в него Творцом. Другими словами, это – **норма**, данная нам Богом. А трагедия древнего человечества (у современного человечества – своя трагедия) состояла в том, что как раз эту норму люди утратили. Они не только забыли своего Создателя и поклонялись другим богам, но и друг к другу стали относиться, как звери – предавались разврату, сильные отнимали у слабых жизнь, свободу, собственность, жен. И тут не помогли даже такие грозные вразумления, как всемирный потоп, разрушение Вавилонской башни, уничтожение Содома и Гоморры.

И тогда Господь, дабы вернуть вконец испорченного человека к его природному состоянию, избрал народ, через который естественные для человека правила могли бы быть впоследствии распространены на все

¹² Скорее всего, речь идет о святом Иринее Лионском (130-202 гг.).

¹³ Рогов В.А., Рогов В.В. Указ. соч. С.223.

¹⁴ Куркин Б.А. Указ. соч. С.112.

народы. Св. Иринеи Лионский говорит, что избранному народу Бог вручил хранение истины, «ибо Закон, будучи дан для рабов, обучал душу посредством *внешнего телесного*, как бы узами привлекая ее к повиновению заповедям, дабы человек научился служить Богу»¹⁵. Собственно, об этом говорил еще Апостол Павел: *«Для чего же закон? Он дан после **по причине преступлений**, до времени пришествия семени, к которому относится обетование, и преподан через Ангелов, рукою посредника»*¹⁶.

Казалось бы, применяя выражения: «повиновение заповедям», «служить Богу», св. Иринеи и вправду понимает естественный закон исключительно как свод обязанностей перед Богом. На самом деле он говорит об ином. Центральное понятие у него, как видим, «обучение души». Десять заповедей побуждали человека бороться со своими злыми привычками в перспективе прихода Спасителя. Об этом говорили и комментаторы приведенного отрывка из Послания Галатам. Так, Феодорит Кирский писал: «Закон дан, чтобы побудить к *попечительности* тот род, из которого то Семя должно произрасти по плоти»¹⁷. А блаж. Иероним (Стридонский) уточнял: «действительно, после восстания народа в пустыне, после поклонения тельцу и ропота против Господа закон вступил в силу, чтобы *противодействовать преступлениям*»¹⁸.

Заповеди – это не обязанности человека перед Богом, а условия, позволяющие, после грехопадения прародителей, приближаться ко все большему соответствию Его образу и подобию. Творец Своими заповедями как бы говорит нам: «Хочешь быть человеком, а не животным, выполняй Мои заповеди. Только так ты можешь восстановить свою человеческую природу». Другое дело, что мало кто из тогдашнего народа

¹⁵ *Иринеи Лионский*. Обличение и опровержение лжеименного знания (Против ересей). Кн. четвертая. Гл. XIII. 2.

¹⁶ Гал. 3:19.

¹⁷ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Новый Завет. Том VIII: Послания к Галатам, Ефессянам, Филиппийцам / Пер. с англ., греч., лат., сир. Под ред. Марка Дж. Эдвардса / Русское издание под ред. К.К. Гаврилкина. – Тверь: Герменевтика, 2005. С.53.

¹⁸ Там же.

израильского понимал, что заповедями Бог помогает восстановить естественную социальную природу человека. Этому мешали низкий нравственный уровень и во многом еще примитивное сознание. Поэтому Моисей в разговоре с народом часто апеллировал не столько к высоким понятиям, сколько, если можно так сказать, к чувству самосохранения. Перед тем, как народу предстояло перейти Иордан после сорокалетнего странствования, Моисей напомнил ему: *«Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей, чтобы соблюдал заповеди Господа [Бога твоего] и постановления Его, которые сегодня заповедую тебе, дабы тебе было хорошо»*¹⁹. Внешне тут налицо обязывающая модальность. Но именно внешне, т.к. Моисей говорит как раз об условиях («если..., то...») что, собственно, и соответствовало договорной форме отношений народа с Богом. «Итак, – говорит св. Ириной в другой главе, – Закон был для них (иудеев) и *средством научения и пророчеством будущего*. Ибо Бог сперва наставлял их чрез *естественные заповеди, изначала насажденные в людях*, т.е. чрез Десятисловие – не исполняющий которых не имеет спасения – и *ничего более от них не требовал»*²⁰.

А Христос? Выдвигал ли Он новые обязанности? Нет, Он лишь показал, что существуют *более высокие ступени нравственности*. Вспомним, что на вопрос юноши *«что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?»*, Спаситель говорит: *«Соблюдай заповеди»* (и, кстати, перечисляет те из них, которые в Декалоге обрисовывают отношение к другому человеку²¹). И только когда юноша говорит, что ему требуется еще, Иисус отвечает: *«...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»*

¹⁹ Втор. 10:12-13.

²⁰ Ириной Лионский. Указ. соч. Гл. XV. 1.

²¹ См.: Мф. 19:16-19; Мк. 10:17-19; Лк. 18:18-20.

(у Марка: «и приходи, последуй за Мною, взяв крест»)²². Это и имел в виду св. Ириней, объясняя смысл естественного закона и говоря об обучении души. Потому он продолжает свою мысль так: «Слово же *освободило душу и научило чрез нее очищать и тело*. После сего необходимо должны были разрушиться узы рабства, к коим человек уже привык, и он должен *без уз следовать за Богом*, определения же свободы – расшириться и покорность Царю увеличиться, чтобы обращающийся не являлся недостойным своего Избавителя; послушание и любовь к домохозяину должны быть одни и те же у рабов и свободных, но свободные должны иметь большую уверенность, потому что действие свободы больше и славнее, чем повиновение в рабстве»²³.

Так что с приходом Спасителя речь тем более идет *не об обязанностях перед Богом*, а о пути к совершенству. Христос дал человечеству радикально новую этическую систему: сохраняя фундаментальные ветхозаветные нормы (десять заповедей), Он вводит **понятие нравственного совершенства**. Особенно это видно в Нагорной проповеди, где Иисус, хотя и применяет формулу логического противопоставления: «*Вы слышали, что сказано древним..., а Я говорю вам*», вовсе не отменяет тем самым ветхозаветный «нормативный» минимум, а только провозглашает критерии совершенства. Не случайно эта проповедь заканчивается словами: «*Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*»²⁴. Следовать или нет образцам совершенства – дело свободной воли человека, ответ на призыв Бога, но никак не исполнение обязанности.

Но, напомнят мне, речь идет об обязанностях перед Богом, а не перед друг другом, не перед обществом и государством. Дерзну утверждать, это не так, ибо подобный тезис совершенно не учитывает «фактора» **Божественной любви**. Не будь этой любви, божество просто повелело бы воспевать его,

²² См.: Мф. 19:20-21; Мк. 10:20-21; Лк. 18:21-22.

²³ Там же.

²⁴ Мф. 5:48.

строить ему храмы и приносить жертвы (именно так и обстоят дела в язычестве). Однако не этого хочет от нас Бог.

Обязанность, даже моральная, подразумевает, что тот, перед которым (или в пользу которого) она (эта обязанность) существует, нуждается в чем-то – в каком-то благе, защите, компенсациях и т.д. Но *Всемогущий Бог ни в чем не нуждается, да и человек Ему ничего дать не может*. Тогда зачем Создатель говорит нам: «нужно то-то, нельзя то-то»? Да как раз потому, что Он просто любит человека как Свое дитя, Свое создание. Разве об обязанности и ответственности ребенка идет речь, когда мы, его родители, запрещаем играть со спичками, совать проволоку в электрические розетки или свешиваться из окна пятого этажа?.. Так что не суровый и холодный властитель во имя некоего известного только ему порядка запрещает нам убивать, красть, лжесвидетельствовать и т.п., а любящий Отец хочет уберечь Своих чад от гибели.

Поэтому Бог оставляет за нами выбор. Даже внешне «обязывая» нас любить Бога, Он заботится не о Себе, а о нас, ибо только при такой любви человека от него можно требовать осознанного и добровольного соблюдения всех иных требований и запретов. Так что выбор, даваемый нам Богом, не таков, как в земном позитивном праве: не соблюдешь запрет, не выполнишь обязанности, тебя ждет наказание. Выбор другой: хочешь не превратиться в зверя, подражай Богу. Вот и святой Апостол говорит: *«Подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное»*²⁵. Это – фундаментальное отличие от выбора, предлагаемого человеку какой-либо «земной инстанцией».

Апостол Павел показывает, насколько любовь Бога рушит все наши привычные, в том числе и правовые, представления. В Послании к Евреям он напоминает слова пророка: *«...вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды **новый завет**, не такой завет,*

²⁵ Еф. 5:1-2.

какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что **они не пребыли в том завете Моём**, и Я пренебрег их, говорит Господь. Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более. Говоря "новый", показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению»²⁶. Смотрите: Бог заключил со Своим народом договор (Ветхий завет). Но народ (сторона договора) не выполнял свои обязательства. В юридической практике сторона была бы подвергнута наказанию (санкциям), а сам договор – расторгнут. Но Господь поступил иначе. Он не только не разорвал Свой договор, когда народ то и дело нарушал его, но и как бы *принял ответственность на Себя и заключил с нарушителем новый договор* (Новый завет). Причем не просто заключил, но отдал Себя в образе Сына Человеческого в «залог» верности. **Вот что такое – БОГ!**

Б.П. Вышеславцев, как бы продолжая мысль св. Иринея, писал: «Бог хочет, чтобы мы исполняли Его волю (и в этом смысле хочет повиновения), однако же *не как рабы, не как наемники, а как друзья и сыны* (и в этом смысле не хочет простого повиновения). *Бог хочет любви, а во всякой любви есть свободное избрание, во всякой любви есть сочетание двух воль и двух свобод. "Да будет воля Твоя" есть выражение любви к Отцу, к высшему и ценному, Тому, Кто стоит надо мною и потому может сублимировать мою волю. [...]* Отношение Бого-Сыновства есть единственный адекватный символ сублимации: "свыше", от Отца, от иерархически высшего, исходит

²⁶ Евр. 8:8-13.

призыв. Сын отвечает на этот "призыв" свободной любовью. *На приказ тирана он ответил бы отказом в повиновении*²⁷.

Идея любви буквально пронизывает христианство – и в этом одно из главных его отличий от всех других религиозных, мировоззренческих и этических систем. Потому *позиция, не принимающая это во внимание и сводящая естественное право к обязанностям человека перед Богом, тем самым приземляет человека, лишает его крыльев*. Ведь как только звучит слово «любовь», тут же следует забыть о словах «обязанность», «долженствование», да и о других правовых понятиях. Свт. Николай Сербский, думаю, именно это имеет в виду, когда говорит: «Бог есть любовь, но Бог не есть равенство. Равенство изгнало бы и справедливость, и любовь, изгнало бы нравственность. *Любит ли муж жену за равенство? И мать любит ли своего ребенка за равенство? Разве друзья любят друг друга за равенство?* Неравенство – основа справедливости и побудитель любви. Пока живет любовь, никто не вспоминает о равенстве. Пока царит справедливость, никто не думает о равенстве. Когда уходит любовь, люди говорят о справедливости и подразумевают равенство. *Когда за любовью уходит и справедливость, начинают говорить о равенстве и подразумевают безнравственность, то есть изгнанную нравственность подменяют порочностью*²⁸.

3.

Разумеется, **естественный закон не является и сводом прав**, ибо у человека перед Богом нет и быть не может никаких прав. Хотя в Библии мы и находим слова о Божиих «обязательствах», это не более чем обозначение Его поддержки вечно сомневающемуся человеку, т.е. такие «клятвы Бога»²⁹ никак не могут быть формализованы (юридизированы), ибо, как сказал

²⁷ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. – М., 1994. С. 200.

²⁸ Цит. по: Год души. Православный календарь с чтением на каждый день, 2004. – Единоц, 2003. С.317.

²⁹ См., напр.: Быт. 24:7; Исх. 32:13; Чис. 14:30.

Апостол, *«А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?"»*³⁰.

В таком случае, *на основе чего из естественного закона можно вывести (и можно ли) идею прав человека?*

Хотя в разных книгах Ветхого Завета – Исход, Левит, Второзаконие – редакция десяти заповедей различна, тем не менее, их общий смысл и сама конструкция Десятисловия одни и те же. Первые четыре заповеди относятся, скажем так, к сугубо *«религиозной»* сфере человеческой жизни (хотя во времена Моисея не было разделения на жизнь религиозную и светскую). Остальные шесть – к сфере, которую условно можно назвать *«социальной»*. При этом из десяти заповедей есть две (первая и последняя), соблюдение которых способен оценить только Сам Господь Бог, но не какая-то земная инстанция – государство, племя, община и т.п. Это – запреты многобожия и зависти: *«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»*³¹ и *«Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего»*³². Понятно, что эти две заповеди не содержат зерна идеи прав человека, ибо правовая материя с необходимостью предполагает наличие земной, а не Небесной, инстанции.

Тогда какие из оставшихся восьми могли бы (пока предположительно) быть основанием для идеи прав человека?

Спаситель, говоря современным языком, интегрировал все заповеди в две главные: *«...Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»*³³.

³⁰ Рим. 9:20.

³¹ Исх. 20:2-3.

³² Исх. 20:17.

³³ Мф. 22:37-40 (см. также: Мк. 12:29-31; Лк. 10:27-28).

Онтологически они, безусловно, взаимосвязаны. Ведь любить Бога, ненавидя других людей или даже будучи равнодушным к ним, значит, не любить и Самого Бога. Но что означает – любить Бога? Во-первых, испытывать благодарность за всё, что Он сделал, делает и сделает для нас, за Его любовь к нам, которая была явлена еще до нашей ответной любви к Нему. Иоанн Богослов говорит: *«В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши»*³⁴. Кто из людей способен ради прощения своего обидчика принести в жертву собственного сына?.. А, во-вторых, любить Бога – сердцем, душою и разумом – это значит полностью и во всем доверяться Ему, быть всецело послушным Ему. И раз Бог заповедует нам любить друг друга, значит, как минимум, мы не должны делать зла ближнему, должны помогать ему, а в пределе – положить *«душу свою за друзей своих»*³⁵. Богу нужны не наши формальные проявления любви к Нему, а наша любовь друг к другу. Такая любовь воспринимается Богом как любовь к Нему Самому. Ведь Иисус Христос говорит: *«И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»*³⁶.

Почему же тогда Бог не ограничился только призывом любви к ближнему? Да потому, что только вместе с любовью к Богу любовь к ближнему становится одухотворенной, возвышенной, а без такой любви превращается в человекоугодничество, а любовь к врагам – в толерантность. Игумен Силуан хорошо показал это в статье, которая так и называется «Толерантность или любовь к врагам?», где говорит: «толерантность в ее либеральном понимании прямо *пропорциональна степени безразличия к истине и к другим людям»*³⁷ (правда, не могу согласиться с приписыванием

³⁴ 1 Ин. 4:10.

³⁵ См.: Ин. 15:13.

³⁶ Мф. 25:40.

³⁷ *Игумен Силуан (Вьюров)*. Толерантность или любовь к врагам? // VIII Румянцевские чтения. Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения

толерантности либерализму вообще. Ее исповедует *секулярный* либерализм, но не либерализм *христианский*). Затем он высказывает верную мысль о том, что «любовь в ее евангельском смысле, благоговей перед человеческой личностью, *не попустительствует человеческой неправде* во всех ее проявлениях, но задает верные этические ориентиры в любой сфере жизнедеятельности»³⁸.

Конечно, *если бы мы все следовали этим двум главным заповедям, не понадобились бы никакие права человека*, да и вообще право как внешний регулятор поведения. Как говорит Апостол, *«не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон»*³⁹. Драма человечества, однако, состоит в том, что любви на земле мало: мало людей, живущих подлинно по заповедям Божиим и, значит, любящих ближнего. А коли так, то для того, чтобы вместо естественного закона не восторжествовал закон звериный, где сильный поедает слабого, **нужен внешний заменитель любви, можно сказать, её «протез». Таковым и выступает право.**

Однако правовой контроль сам на чем-то же должен основываться. Ведь позитивное юридическое регулирование может быть и неправовым, т.е. не соответствующим естественному праву (естественному закону⁴⁰). В таком случае – где критерий правового характера юридических актов? *Этот критерий как раз и заложен в Божественных заповедях, содержащих самые первичные, самые элементарные и потому наиболее фундаментальные ценности человеческого общежития.*

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. 20 апреля 2010 г. / Под ред. А.М. Осавелюка. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. С.137.

³⁸ Там же. С.139.

³⁹ Рим. 13:8.

⁴⁰ Учитывая, что в святоотеческой литературе понятия «закон» и «право» не разграничиваются, точнее, понятие «право» практически не употребляется, в настоящей работе эти понятия также даются как синонимы. В то же время автор является приверженцем одной из современных доктрин, согласно которой «закон» и «право» обладают не одинаковым содержанием, ибо не всякий закон есть право.

Как заметил А.М. Осавелюк, религиозная мораль «ориентирует человека на две группы ценностей: "земных" и "небесных"»⁴¹. Эти две группы соответствуют и заповедям, условно составляющим две части Десятисловия.

К первой, «небесной» относятся четыре заповеди, закрепляющие высшую духовную ценность – веру в Бога, любовь к Нему, почитание Его и отказ от измены Ему. Я сознательно говорю о ценности в единственном числе, т.к. все четыре «религиозных» правила образуют одну ценность – *осознание человеком себя как творения Божьего*. И это осознание, между прочим, предопределяет императивность всех остальных правил. Поскольку речь сейчас идет о Декалоге как духовном источнике прав человека, сразу же замечу, что было бы ошибочно, по крайней мере, в рамках современной государственности, первые четыре заповеди Декалога *непосредственно* связывать с правом вообще и с правами человека в частности (хотя опосредованно они как раз связаны).

Другое дело – ценности «земные», которым соответствуют «социальные» правила Декалога. А.М. Осавелюк делит их, в свою очередь, на две группы: «Важно отметить, что они также излагаются в определенном иерархическом порядке: вначале изложены *моральные* императивы, а затем важнейшие постулаты *права*»⁴². К первым он относит заповеди о почитании родителей, запрет прелюбодеяния и зависти («*Не желай...*»), а ко вторым – запреты убийства, хищения и клеветы (лжесвидетельства).

Задумаемся, почему Декалог включает в себя именно данные заповеди? Почему Господь счел именно их основополагающими для «обучения души»? Можно, разумеется, об этом спорить, но если проанализировать «социальную» часть заповедей, то вновь скажу: потому, что **в совокупности они защищают человеческое достоинство**.

Но ведь и *свобода* также составляет один из главных элементов понятия достоинства и, соответственно, прав человека. Однако о ней нет

⁴¹ Осавелюк А.М. Государство и Церковь: монография. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. С.137.

⁴² Там же. С.137.

упоминания в Декалоге. Это недоумение, полагаю, разрешается следующим образом. Свобода воли имманентна человеку как сотворенному по образу и подобию Бога, о чем писали многие святые отцы. Например, св. Иоанн Дамаскин говорит: «Если человек сотворен по образу блаженного и пресущественного Божества, а Божество свободно и имеет волю по естеству, *то и человек, как образ Божества, свободен по естеству и имеет волю*»⁴³. Однако именно потому в заповедях и не упоминается о свободе, что они, *презюмируя свободу*, направлены на то, чтобы показать человеку ее *органические пределы* и создать основу для правовой ответственности за их нарушение. А пределами выступают как раз ценности, о которых говорит Декалог.

Игнорирование этого принципиального момента секуляризирующимся миром, на мой взгляд, во многом обуславливает неоправданное и даже богопротивное расширение прав человека, что, в свою очередь, вызывает обоснованную тревогу Церкви. К сожалению, однако, вместе с такой тревогой, по сути, отвергается и сама идея прав человека.

В принятых Архиерейским собором в 2008 г. *Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека* говорится: «Христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже *принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям*, что препятствует достижению самой важной цели в жизни человека – избавлению от греха и обретению спасения»⁴⁴. Да, порок, действительно, всё чаще пытается (и небезуспешно) легитимировать себя. Но это – лишь *спекуляция на правах человека*. Сами же естественные права как раз противостоят греху.

В мою задачу сейчас не входит анализ Основ. Поэтому скажу лишь об одном моменте, отражающем негативный настрой этого документа к идее

⁴³ Цит. по: Д.Б. Макарий, *Архиепископ Харьковский*. Православно-догматическое богословие. Т.1. – СПб., 1868.. С.132.

⁴⁴ Электронный ресурс «Православие. Ру» (<http://www.pravoslavie.ru/news/080627163553>).

прав человека. Он заключается, на мой взгляд, в *смешении принципов «двух царств» – неотмирного Царства Божия и царства мира сего – государства.*

Через все Основы проводится мысль о том, что свобода воли и выбора, идея человеческого достоинства, наконец, права человека не должны служить греху. Но точно так же служить греху не должно ничто человеческое. Верно, конечно, сказано, что «святоотеческая и аскетическая мысль, литургическая традиция Церкви более говорят о недостоинстве человека, обусловленном грехом, чем о его достоинстве» (I.5.). Но все это актуально в координатах Царства Божия, в координатах сотериологических. Если же в такой парадигме будет существовать государство, это будет оправдывать тиранию, бесправие и несправедливость. Забота о спасении не является задачей ни государства, ни правовых инструментов, в т.ч. прав человека. В конце концов, служить греху можно и будучи совсем бесправным.

На мой взгляд, в Основых не вполне верно трактуется смысл прав человека. Так, в документе сказано: «*Слабость института прав человека – в том, что он, защищая свободу выбора (αὐτεξουσίαν), все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха (ἐλευθερία)*» (II.2). Но смысл прав человека – отнюдь не в «защите свободы выбора», а в защите от «государственной свободы», т.е. от произвола властей, от взгляда на человека как на средство для достижения неких государственных (общественных) целей, вне зависимости от того, благородны они или низменны (к тому же за ними часто стоят цели конкретных политиков, правителей, выдаваемые за общий интерес). В любом случае, как верно заметил Б.Н. Чичерин, «каждое разумное существо есть само по себе цель; оно не должно быть низведено на степень простого средства»⁴⁵. Противоположное этому мировоззрение есть мировоззрение антихристианское.

⁴⁵ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М., 2006. С.16.

4.

В другом, чуть более раннем документе РПЦ – Основых социальной концепции (2000 г.)⁴⁶ также просматривается намек на отрицание естественных прав человека, например, в тезисе об относительности права собственности: «По учению Церкви, люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими. *Относительность права собственности для человека* Спаситель многократно показывает в притчах: это или виноградник, данный в пользование (Мк. 12. 1-9), или таланты, распределенные между людьми (Мф. 25. 14-30), или имение, отданное во временное управление (Лк. 16. 1-13)» (VII.1). Ни один из христиан и не будет спорить с этим. Конечно же, *абсолютно всё, что есть на Земле*, Творец дал человеку лишь в пользование. Таким образом, это относится к любой земной ценности: жизни, здоровью, семье и т.д. Но *осознание этого вовсе не ведет к выводу, что «доверенным лицом» Бога на Земле является государство*, а потому оно-то и должно распределять между людьми те или иные блага и контролировать их использование. Однако, судя по всему, *противники прав человека полагают, что это именно так и государству принадлежит и жизнь, и имущество человека, и все остальное*. Соответственно, не может быть у человека никаких естественных прав, а есть лишь права, дарованные государством. Попытаюсь доказать, что взгляд этот не имеет оснований в христианском учении.

Абсолютизация свободы грешного человека привела бы к полному торжеству зла на земле, о чем напоминает, например, сюжет о желании жителей содомских надругаться над священными гостями Лота⁴⁷. Чтобы эта злая воля не восторжествовала, она должна быть ограничена правовыми запретами, обязанностями и санкциями. Тот же св. Ириней Лионский пишет: «Поелику, человек, отступив от Бога, *дошел до такого неистовства, что*

⁴⁶ Электронный ресурс «Патриархия. RU» (<http://www.patriarhia.ru/db/text/141422.html>).

⁴⁷ См.: Быт. 19:1-9.

почитал своего единокровного за врага и бесстрашно предавался всякого рода буйству, человекоубийству и жадности, то Бог наложил на него человеческий страх, так как люди не знали страха Божия, чтобы подчиненные человеческой власти и связанные законом достигали до некоторой степени справедливости и взаимно сдерживали себя из страха, носящегося в виду всех, меча, как говорит Апостол: "ибо не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое"»⁴⁸.

Таким образом, **существование государства, как средства сдерживания страстей нравственно не просвещенного человека, не только не отрицается заповедями, но даже презюмируется ими.** Именно государство способно обеспечить выполнение хотя бы основных «социальных» заповедей. Тем самым государство, охраняя жизнь, имущество, честь своих граждан, обеспечивает и их естественные права. Как писал П.И. Новгородцев, «цель государства – не столько избавиться от смут естественного состояния, сколько *спасти естественные права, равенство и свободу, охранить личность и собственность*»⁴⁹. Не случайно десять основных заповедей сопровождаются множеством производных от них правил (Моисеево законодательство), что с необходимостью предполагает государственно организованное общество.

Хорошо, скажут мне, государство должно обеспечивать соблюдение и исполнение соответствующих запретов и обязанностей. Но ведь эти запреты и обязанности обращены к частным людям, а не к государству. Из чего же следует, что и на него распространяются запреты и обязанности, корреспондирующие соответствующим правам человека? А из того, отвечу, что *государство – это такое же человеческое учреждение и в нем нет никакой сакральности.*

Но противники прав человека в качестве одного из аргументов выдвигают – явно или скрыто – именно сакральный характер государства, не

⁴⁸ *Иринея Лионский.* Указ. соч. Кн. пятая. Гл. XXIV. 2.

⁴⁹ *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права. Учения нового времени. XVI-XVIII вв. и XIX в. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1912. С.150.

позволяющий поэтому говорить о каких-либо его обязанностях по отношению к человеку и, соответственно, о каких-либо правах человека по отношению к государству. Например, В.И. Иванов, без обиняков пишет: «Старый вопрос о том, человек ли для государства или государство для человека, никогда не получит однозначного решения без обращения к вопросу о происхождении человека и государства. Если государство есть дело рук человеческих, то оно для человека. Если государство и власть – от Бога, тогда человек для государства. Почему так? *Признавая государство созданным от Бога (!? – М.К.), человек служит ему как божественному представителю, единому с ним самим от Создателя*»⁵⁰.

Священное Писание говорит как раз *о божественном происхождении (творении) человека, а вовсе не государства!* Государство, безусловно, благословлено Творцом, но лишь постольку, поскольку является организацией, упорядочивающей человеческое общежитие, т.е. *онтологически предназначено служить человеку*, какими бы ни были взгляды на это самих властвующих. Очень хорошо сказал об этом святитель Николай (Сербский), отвечая на письмо одного из прихожан: «Вы сожалеете о римской "культуре", понимая под ней "прекрасные мраморные статуи, которыми были украшены улицы и площади Рима". А разве не сожалеете вы о тысячах несчастных людей, которых волокли в цепях и кандалах мимо этих статуй на казнь? В этом и состоит основная разница между римским и христианским пониманием ценностей. Римляне-язычники ценили государство и культуру выше человеческой жизни, а христианство ценило и ценит человеческую душу выше государства, культуры и всего мира. Ибо *и государство, и культура ради человека, а не человек ради государства и культуры*. Человек *создает государство* и культуру не как конечную цель

⁵⁰ *Иванов В.И.* Вера как основа правосознания // Православная государственность: 12 писем об Империи / Сборник статей под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. – СПб., 2003. С.107.

жизни, а как *вспомогательное средство* для достижения духовных и нравственных целей»⁵¹.

Думается, это – лучший ответ противникам принципа «*Человек, его права и свободы являются высшей ценностью*» (ст.2 Конституции РФ), которые, как тот же Б.А. Куркин, считают его *разрушительным для государства*. «Принцип превосходства прав личности, – пишет он, – *над правами государства* при его практической реализации неминуемо ведет к распаду государства и, следовательно, краху прав личности, поскольку без государства защищать их попросту становится некому»⁵². Верно. Скажу даже больше: вне государства вообще бессмысленны какие-то права. Но пока государство есть, именно защита прав своих граждан для него – основная цель и основная обязанность. Причем, прежде всего, прав, существующих еще до государства, т.е. прав естественных. И никаких своих «прав» у государства нет и быть не может, если, конечно, речь не идет о государстве как стороне в гражданско-правовых отношениях и как субъекте международного права. Пожалуй, еще в одном случае можно говорить о «правах государства» в отношении людей: если речь идет о *правах государя в абсолютной монархии*. Причем эти права государь устанавливает для себя сам, а потому здесь права личности либо вообще отсутствуют, либо, «по определению», находятся ниже прав государства.

Тогда как может существовать государство, если у него нет прав? Прав, которые, как человек, может реализовывать, а может и нет, государства быть не может. Просто оно действует на основе иных принципов, нежели частный человек. Государство представляют его органы, у которых есть *полномочия*. И эти полномочия в совокупности направлены (должны быть направлены) на выявление и претворение в жизнь общего интереса, т.е. интереса всего общества. Этот интерес в современном мире предполагает, прежде всего,

⁵¹ Цит. по: Год души. Православный календарь с чтением на каждый день, 2009. – М., 2008. С.144.

⁵² Куркин Б.А. Указ. соч. С.116.

обеспечение безопасности страны, социальных стандартов и правовой справедливости, что отражено в конституциях.

Именно потому, что общий интерес является главным понятием государственности, признание человека высшей ценностью означает *вовсе не угождение похотям каждого*, а только необходимость защиты человека от государственного произвола. Игумен Вениамин (Новик) точно заметил, что такая «точка зрения вписывается в либеральную традицию, но она *не более либеральна, чем поведение Самого Христа в Его земном воплощении, который никого не понуждал идти за Собой, а лишь приглашал*»⁵³.

Другое дело, что *технократические* либералы действительно абсолютизируют идею человека как высшей ценности, чем, по сути, подыгрывают ее противникам. *Христианский* же либерализм отнюдь не трактует этот принцип как абсолютное превосходство прав человека перед общим интересом. Например, Б.Н. Чичерин, продолжая свою мысль о человеке как цели, а не средстве, писал, что государство имеет право требовать от человека «жертвы, даже всецелой, доходящей до пожертвования жизнью для интересов целого союза»⁵⁴. Нет ли здесь противоречия с идеей человека как цели? Нет, ибо, когда существует реальная угроза всему данному человеческому сообществу, государство «вправе требовать жертвы», хотя на самом деле и здесь речь идет не о праве государства, а об абсолютной обязанности гражданина.

Статья 2 Конституции РФ отнюдь не означает снятия с человека обязанностей перед другими людьми и перед государством. Существование и исполнение таких обязанностей – средство самосохранения самого государства, а, следовательно, каждого из живущих в нём. Да, возможно, эта статья не вполне удачно сформулирована, ибо на самом деле речь идет о том, что высшей ценностью является человеческое достоинство. Поэтому, отрицая человека как высшую ценность, примитивизируя этот принцип, тот

⁵³ О. Вениамин Новик. Православие. Христианство. Демократия: Сборник статей. – СПб., «Алетейя», 1999. С.366.

⁵⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С.17.

же Б.А. Куркин отрицает и достоинство личности, о чем свидетельствует его удивление: «Падший человек – тоже человек. Он будет "высшей ценностью"?»⁵⁵. Да! Будет, отвечу я вслед за Евангелием, где мы видим, что Иисус Христос обращался, в первую очередь, именно к таким «падшим» – отверженным тогдашним израильским обществом; что первым, кому Он даровал возможность попасть в рай, был именно «падший человек» – разбойник; что Он предупреждал Своих учеников и всех нас от пренебрежения «малыми мира сего»: *«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»*⁵⁶.

Игнорирование этого христианского принципа ведет к совершенно антихристианскому взвешиванию: этот достоин уважения, а того можно в грязи вывалить, ибо «человек никчемный». Яркий пример этого сравнительно недавно представил заместитель Председателя Совета Федерации А.П. Торшин, заявив по поводу надругательства сотрудниками полиции над человеком, приведшего его к смерти, что министр внутренних дел Татарстана Сафаров имел моральное право не проводить разбирательство, «поскольку речь идет о человеке (погибшем Сергее Назарове – "Газета. Ru")... *не ангельского нрава и не элиты общества, этот человек был шесть раз судим»*⁵⁷.

Так что неверно понимать идею высшей ценности человека как идею вульгарного возвеличивания человека вопреки всем иным ценностям. Нет, повторю, речь идет лишь о высшей ценности достоинства, имманентной всякому человеку, даже закоренелому преступнику. Забвение этой ценности, ведущее к пренебрежению правами человека, есть один из главных пороков

⁵⁵ Куркин Б.А. Указ. соч. С.116.

⁵⁶ Мф. 18: 10-11.

⁵⁷ См.: «Газета. Ru». 13 марта 2012 г. (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/13/n_2241101.shtml).

любого государства. Ведь тогда оно, по словам блаженного Августина⁵⁸, воистину становится не лучше разбойничьей шайки.

Иногда от противников ст.2 можно также слышать о том, что не человек, а Бог есть высшая ценность. Но, во-первых, смысл этой статьи совершенно в ином – только в напоминании, что человек для государство не средство, а цель. А, во-вторых, если представить себе такую норму в Конституции, это означало бы низведение самой идеи Бога на профанный уровень, приземление её. Ведь Создатель всего сущего стоит *над всей земной жизнью*, в том числе и *над всеми ценностями мира сего*.

Наконец, если отказаться от принципа высшей ценности человека, то будет необходимо признать принцип, противоположный ему: высшей ценностью является государство (или построение социализма, коммунизма, какого-нибудь иного «изма»). Но это – прямой вызов христианскому учению, ибо это учение являет собой *ярчайший образец антитоталитарного мировоззрения*.

Позиция, согласно которой человек служит государству, представляет собой яркий пример *холизма* – мировоззрения, признающего приоритет целого над отдельным. Одним из первых его проповедников был Платон, который, в частности, писал: «И вот я как законодатель устанавливаю: вы не принадлежите самим себе и это имущество не принадлежит вам. Оно – собственность всего вашего рода, как его предшественников, так и последующих поколений; более того, весь ваш род и имущество – это собственность государства. [...] Я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного человека»⁵⁹.

Холизм прямо противоречит христианскому учению, которое есть учение индивидуалистическое (разумеется, не в принятом сейчас смысле «индивидуализма», как замкнутости на себе, себялюбия). Уже Ветхий Завет

⁵⁸ См.: *Августин Блаженный. О Граде Божием.* – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С.165.

⁵⁹ *Платон. Законы.* Кн. 11 // <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/zakony.txt>

пестрит примерами того, что заблуждается, как правило, большинство («народ»), а правы (верны Богу) оказываются отдельные люди. Не случайно среди Божьих заповедей за пределами Декалога есть такая: *«Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды...»*⁶⁰. Иное дело, что чаще всего народ (и в этом для нас серьезный, но так и не осмысленный до конца урок) следует за своими лидерами, которые, по слову Спасителя, становятся *«слепыми вождями слепых»*⁶¹.

Еще более ярко идея личного выбора, личной ответственности, личного спасения проводится в Новом Завете. Известно, что Господь не собирался спасти еврейский народ от римских завоевателей, восстанавливать царство, хотя большинство именно этого ждало от Мессии и во многом поэтому, будучи державниками, как и у нас многие сегодня, разочаровались и отвергли Спасителя. Очень точно заметил один публицист: *«Не стоит нашим идеологам слишком пренебрежительно относиться к человеческой жизни, забывая о том, что Христос приходил на землю спасти именно человека, а вовсе не государство, нацию, расу, идеологию. И что именно за это (за то, что в центр своей проповеди он поставил человека) его и распяли «государство», «нация», «идеология» в лице тогдашней Римской империи, иудейских патриотов и фарисеев. Сегодня, спустя две тысячи лет, они снова готовы к этой роли»*⁶².

Ни в одном из Евангелий мы не найдем даже намека на приоритет целого над единичным. Наоборот, весь новозаветный пафос – это обращенность к отдельной личности, причем не выдуманной, не «картонной», а живой, со всеми ее грехами. Протопресвитер Александр Шмеман писал: *«Когда оно (христианство. – М.К.) говорит о человеке, оно имеет в виду действительно каждого отдельного живого человека. Ради него,*

⁶⁰ Исх. 23:2.

⁶¹ Мф. 15:14.

⁶² *Можегов Владимир*. Христос приходил спасти человека, а не государство. 28 сентября 2007 г. // GlobalRus (<http://globalrus.ru/opinions/784292/>).

сказано в Евангелии, нужно оставить девяносто девять других людей⁶³, он облечен образом и подобием Божиим, он призван к вечности, и потому его судьба, судьба пускай самого незначительного и общественно ничтожного человека, так же важна, как важна судьба вождя, гения, ученого»⁶⁴.

Но важен не только, так сказать, «соразмерный человеку масштаб» христианского учения, но и его обращенность к тому самому «общественно ничтожному человеку». Такая обращенность подчеркивает высшее благородство христианства⁶⁵, которое одновременно есть и величайшая надежда для слабых, отверженных, для тех, кто кажется государству, обществу и самим себе никчемными людьми, «аутсайдерами», «лузерами»; для тех, которые, как хорошо сказал один католический писатель, «не верят в самих себя, находясь в плену неисправимой застенчивости; люди, у которых не хватает ни фантазии, чтобы замыслить лучшее будущее, ни силы духа, чтобы претворить его в жизнь. [...] Это тихие люди, которые живут, ничего не касаясь даже желанием своим; но зато они часто поднимают взор, любуясь облаками и синевой небес, потому что знают, что на небо не предъявляет прав никто»⁶⁶.

Итак, права человека не только не чужды христианству, но и предполагаются им, выводятся из него. При этом, как я попытался доказать, права человека – это именно естественные, т.е. неотъемлемые от всякого

⁶³ Имеется в виду Христова притча о том, что «если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяти незаблудившихся» (Мф. 18:12-13).

⁶⁴ Шмеман А. Вера в Бога, вера в человека // Шмеман А., прот. Собрание статей. – М., 2009. С.110.

⁶⁵ Ортега-и-Гассет писал: «Либерализм – и сегодня стоит об этом помнить – предел великодушия; это право, которое большинство уступает меньшинству» (*Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс.* – М., 2002. С.73). Это, конечно же, не так, ибо предел великодушия, а точнее, великодушие за пределом человеческого понимания, дал именно Бог. Другое дело, что либерализм я понимаю также как великодушие и потому я не испытываю диссонанса между приверженностью христианству и, в светском плане, – либерализму.

⁶⁶ Сантуччи Луиджи. «Не хотите ли и вы отойти?». Размышления о земном пути Иисуса Христа / Пер. с итал. Л. Хаустовой. – М., 1994. С.114.

человека права, которые обязано соблюдать и защищать государство, считающее себя правовым, а в общепринятом смысле – справедливым.

5.

И всё же, кажется, я понимаю еще один мотив неприятия прав человека. Он в том, что противники этой идеи считают, что ей присущ *имморализм*.

Что ж, глупо отрицать: наше время – это время, с одной стороны, неимоверного расширения самого понятия «права человека», с другой, – забвения, игнорирования их истинной духовной основы. Точнее было бы, впрочем, поменять местами эти «стороны», ибо расширение «прав человека» является следствием как раз игнорирования их духовного корня. А следствием расширения стало появление «странных прав», «прав-монстров», даже примеры которых мне приводить противно.

Возникает вопрос: такова природа прав человека или мы имеем дело с распространенным феноменом извращения какого-либо учения? Чтобы ответить на него, следует вернуться к исходной точке проблемы: *каков «набор» этих самых прав человека*.

Можно, разумеется, обратиться к Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г. Но, при всём авторитете этого документа, думаю, он включает в себя не только собственно права человека, но и их гарантии, а также права и свободы, которые производны от прав человека, но сами таковыми не являются. Естественный характер прав человека означает (в зависимости от позиции исследователя), что они либо даны Богом, либо вытекают из природы или человеческого разума. В силу этого они принадлежат в равной мере всем людям от рождения и неотчуждаемы от них.

Но имеют ли естественный характер, например, права: на социальное обеспечение (ст.22 Всеобщей декларации), на труд или создание профессиональных союзов (ст.23)? Нет. Не уверен, что даже все политические, тем более, экономические, культурные и экологические права и свободы непосредственно являются правами человека. Они лишь

производны от них. И именно поэтому эти производные права и свободы расширяются они стали в результате борьбы за расширение основных прав граждан (но не прав человека). ость Да, они сегодня стали привычными для современного государства. Но из этого не следует еще их естественно-правовой природы. Они, на мой взгляд, лишь отражают ступень в процессе развития взаимоотношений общества и государства, т.е.

Права человека не могут расширяться, ни в смысле «перечня прав», ни в смысле их содержательного объема. Но как определить границы прав человека для того, чтобы не допускать их расширительного толкования, которое, направленного фактически на легитимизацию порока?

Выше говорилось, что и «социальные» ценности, закрепляемые Декалогом, и имплицитно содержащийся в нем принцип свободы воли в совокупности служат защите человеческого достоинства. Собственно, только эта интегрированная ценность и оправдывает существование самой идеи прав человека. Идеи, которая, хотя и появилась в начале Нового времени, но духовные корни которой мы находим в основах христианского учения. Следовательно, границы прав человека должны совпадать с границами понятия «человеческое достоинство».

Но ведь существуют сотни, если не тысячи способов унижения, ущемления достоинства личности. Тогда что же: каждому из них будет соответствовать «отдельное право человека»? Разумеется, нет. Дело в том, что в понятии «права человека» мы ошибочно воспринимаем слово «права» буквально, думая, что это – обычные субъективные права. В том-то и дело, что нет. Права человека – это запреты покушаться на главные ценности, составляющие человеческое достоинство. Например, хотя и есть термин «*право на жизнь*», это не означает, что человеку предоставляется право жить. На самом деле речь идет о *недопустимости произвольного лишения жизни*. Это относится и к остальным «социальным» ценностям, перечисляемым в Декалоге.

Таким образом, собственно прав человека не так уж и много. Практически три: недопустимость произвольно лишать человека жизни, отнимать его собственность и порочить доброе имя (поэтому точнее вообще говорить не о правах, а о свободах человека). Остальные ценности, отраженные в заповедях, не могут быть правами человека, поскольку *не подконтрольны праву (государству)* потому, что составляют непосредственные отношения человека с Богом и/или нарушить которые не могут ни другие люди, ни государство (к последним относятся заповеди об обязанности чтить родителей, не прелюбодействовать и не завидовать – «не пожелай...»).

Как справедливо заметил известный русский библейский историк и правовед А.П. Лопухин, исследуя Моисеево законодательство, отличие права от морали «состоит *лишь в объеме* подлежащего их ведению круга духовной жизни. В то время как нравственность обнимает всю жизнь человеческого духа – до его тончайших, *не подлежащих проверке*, движений, право обнимает лишь ту его сторону, которая проявляется вовне и может подлежать внешней проверке, оценке и ограничению»⁶⁷. Но то, какие именно моральные императивы становятся правовыми, зависит от соответствующей «ступени развития». Там, где «вся область нравственности до ее мельчайших проявлений приписывается божеству»⁶⁸, нет необходимости разграничивать мораль и право и потому «благодаря особенной жизненности религиозного начала, чисто нравственные правила могут иметь значение вполне юридических постановлений. Поэтому-то в Десятиисловии, напр., наряду с чисто юридическими постановлениями: "не убей", "не укради", стоят чисто

⁶⁷ Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея // Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / Под ред. и с предисловием проф. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2005. С.5.

⁶⁸ Там же.

нравственные правила: "не пожелай жены искреннего твоего" и пр. и для народа они имели одинаковую обязательную силу»⁶⁹.

Это замечание принципиально важно, так как «юридическое» (логическое) вычленение прав человека не означает, что следует отвлечься от иных, не формализуемых в современном законодательстве ценностей и, главное, от всего смысла Декалога. В том-то и дело, что десять заповедей мы обязаны рассматривать в их онтологическом единстве. И тогда мы с необходимостью приходим к выводу о том, что права человека и свобода воли *естественным образом* ограничиваются некими нравственными требованиями. Поэтому очень верно заметила Л.О. Иванова: «"Права человека" как право "на грех и преступление" – это *оксюморон, который в любом случае и невозможен и недопустим*»⁷⁰.

К сожалению, так сегодня считают немногие. Известный футуролог Э. Тоффлер в своей последней книге (в соавторстве с женой) приводит пример «расширения» прав: «Возьмите, например, Рики Энн Уилкинса, компьютерного эксперта с Уолл-стрит, которого "Нью-Йорк таймс" назвала "транссексуалом, хирургически превращенным из мужчины в женщину". Уилкинс возглавляет группу, которая лоббирует в Вашингтоне интересы меньшинств и заявляет, что *разделение людей по половому признаку на "он" и "она" уже само по себе репрессивно*, поскольку принуждает брать на себя ту или иную роль тех, кто не относится ни к тем, ни к другим»⁷¹. Но при этом авторы делают совершенно фаталистическое заключение: «Хотим мы того или не хотим, но *придется смириться с новым образом мира*», ибо «те, кто недооценивает революционного характера нынешних изменений, живут среди иллюзий»⁷².

И вот, если развитие мира и вправду пойдет по этому пути, человек не просто изменит, а разрушит социум. Но виной тому будут не права человека,

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Иванова Л.О. Религия и права человека // Социологические исследования. 1998. № 6. С.106.

⁷¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М., 2008. С.21.

⁷² Там же. С.22.

рожденные как проявление благородной идеи равного уважения достоинства каждого, возвышения человеческого духа. Виной будет их *извращение*.

Поэтому задача христиан, на мой взгляд, состоит не в том, чтобы отрицать права человека, ибо как раз это дает доминирующим сегодня секулярным деятелям повод обвинять христианство в оправдании государственного произвола, а в том, чтобы **возвращать идее прав человека в глазах здешнего мира ее подлинную – Божественную – основу, в том числе осознавать естественные пределы свободы человека.**